

Самоделкин Антон Андреевич

ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЯ ТЕКСТА

Настоящая статья демонстрирует обоснованность утверждения о том, что перенесение тема-рематического принципа сегментации информации, функционирование которого на уровне предложения является общепризнанным лингвистическим фактом, на более широкие уровни текста (такие текстовые блоки, как сверхфразовые единства или, например, главы) вполне обоснованно. Статья доказывает, что механизм сегментации является, в сущности, одним и тем же.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-3/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 3. С. 132-138. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Настоящая статья демонстрирует обоснованность утверждения о том, что перенесение темарематического принципа сегментации информации, функционирование которого на уровне предложения является общепризнанным лингвистическим фактом, на более широкие уровни текста (такие текстовые блоки, как сверхфразовые единства или, например, главы) вполне обоснованно. Статья доказывает, что механизм сегментации является, в сущности, одним и тем же.

Ключевые слова и фразы: тема; рема; тема-рематическая прогрессия; гипертема; сверхфразовое единство; текст; ключевые слова.

Самоделкин Антон Андреевич

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Andreevich_anton@inbox.ru*

ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЯ ТЕКСТА

Перенесение тема-рематического принципа сегментации информации, функционирование которого на уровне предложения (микроструктурный уровень) является общепризнанным лингвистическим фактом, на более широкие уровни текста (такие текстовые блоки, как сверхфразовые единства или, например, главы), которые также можно назвать макроструктурными, вполне оправдано, так как механизм сегментации, в основе, является одним и тем же.

Цель исследований в данной области заключается в полном выявлении механики структурирования смыслов в крупных языковых конгломератах и законченных дискурсах. Очевидно, что смыслы не присущи языку или каким бы то ни было его единицам (будь то морфема, слово, предложение или текст) непосредственно. В этом отношении вполне можно согласиться с Дж. Л. Морганом, утверждающим, что «It is not sentences that have topics but speakers» [18, p. 434] / «Это не предложения имеют темы, а говорящие» (*перевод автора статьи – А. С.*). И, следовательно, механизмы, в соответствии с которыми смыслы структурируются и вступают в отношения друг с другом, также содержатся не в языке, но в сознании тех, кто использует его. Тем не менее, тот факт, что разные люди, прочтя один и тот же текст, (как правило) понимают его примерно одинаково, свидетельствует об универсальности вышеозначенных механизмов.

В связи со сказанным, поиск и изучение таких механизмов смыслообразования имеют очевидную практическую значимость: их результаты могут быть применены в медицине и кибернетике – конкретно в наделянии искусственного интеллекта способностью создавать осмысленные дискурсы.

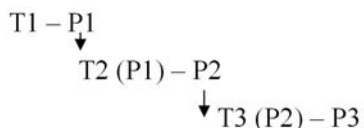
Одним из элементов вышеозначенной механики является принцип актуального членения речи, заключающийся в бинарности природы предложения, выражающейся в категориях темы и ремы, близких к логическим категориям субъекта и предиката.

Настоящая статья направлена на выявление соответствий в такой внутренней логической устроенности между микроуровнем (представленным отдельными предложениями) и макроуровнем (элементами которого выступают так называемые сверхфразовые единства).

В рамках настоящего исследования излишне вдаваться в тонкие различия взглядов на понятие *темы*, ознакомиться с которыми можно по работе П. Х. Фрайса [17, p. 1]. Рассматривать же *тему* предлагается как данное / известное / старое – такая точка зрения является наиболее распространенной. Рема же стандартно определяется исследователями как новое / предикат.

В современной лингвистике в качестве исследовательских объектов выделяется ряд основных видов последовательностей – линейная прогрессия, прогрессия с константной темой, тематическая прогрессия с производными темами, прогрессия с расщепленной темой и прогрессия с тематическими прыжками [13, с. 161-166].

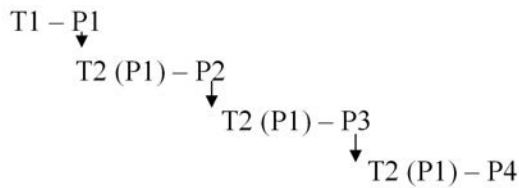
Линейная прогрессия имеет следующую структуру:

У лукоморья (T1) дуб зеленый (P1);
Златая цепь (P2) на дубе том (T2 из P1);
И днем и ночью кот ученый (P3)
Всё ходит по цепи (T3 из P2) кругом [11, с. 8].

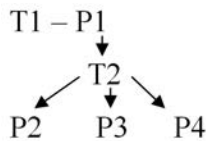
Приведенный пример представляет собой не что иное, как линейную тема-рематическую прогрессию, правда, несколько инверсированную в поэтических целях.

Прогрессия с константной темой может быть представлена так:

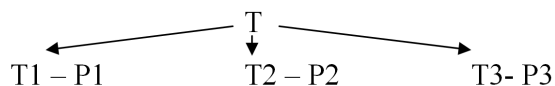
«Маленькие глазки Элизы Августовны, очень наблюдательные и приобученные к делу, заметили, что с тех пор как семья Негрова увеличилась вступлением в нее Круциферского, **Глафира Львовна** (T1) сделалась несколько внимательнее к своему **туалету** (P1 для предшествующей информации и, в то же время, T2 для последующей); что **блуза ее** (P2 из T2) как-то иначе надевалась; появились **всякие воротнички, разные чепчики** (P3 из T2), обращено было внимание на **волосы** (P4 из T2)» [3, с. 68].

Впрочем, в приведенном примере эта прогрессия, скорее, имеет несколько иную свою вариацию, а именно, выглядит так:

В чистом виде прогрессия с константной темой встречается крайне редко, однако модификации употребляются весьма часто.

Прогрессия с производными темами такова:

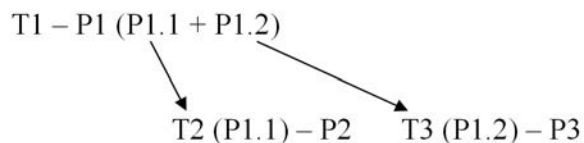

Это, пожалуй, самый любопытный тип прогрессии, в связи с которым Ф. Данешом было введено понятие *гипертемы* [16, р. 112] – темы текстового фрагмента, которая может быть установлена на основании частных описаний или может быть выражена в тексте непосредственно.

«Зима (T)!.. Крестьянин торжествуя (T1),
 На дровнях обновляет путь (P1);
 Его лошадка (T2), снег почуя,
 Плетется рысью как-нибудь (P2)» [10, с. 86].

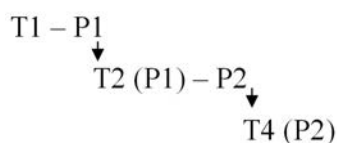
В этом отрывке из поэмы «Евгений Онегин» главная тема (гипертема) *зима*, подчиняющая себе все остальные темы, выражена эксплицитно. Так бывает чаще всего.

Прогрессия с расщепленной темой такова:

«Подчиняясь своей страстной натуре, он (T1) взял себе **две жены** (P1) – Аду (P1.1) и Циллу (P1.2)... От **Ады** (T2 из P1.1) родился **Ивал** (P2)... От **Циллы** (T3 из P1.2) у Ламеха тоже родился замечательный сын по имени **Тувал-Каин** (P3)» [7, с. 52-53].

Прогрессия с тематическим прыжком выглядит так:

Фактически она является вариацией линейной прогрессии; представляет интерес только в той связи, что обращает внимание на возможность «разорванного» хода повествования. В действительности именно такой вариант линейной прогрессии наиболее часто встречается в текстах, в то время как классическая линейная прогрессия является, скорее, идеальной моделью.

Теперь на примерах более массивных текстовых конгломератов нужно продемонстрировать обоснованность перенесения метода тема-рематического структурирования за рамки границ предложения.

Выше уже указывалось, что тип прогрессии с *производными темами* является наиболее любопытным. Дело в том, что, как правило, в рамках целого произведения (или даже какой-то его части) отдельное предложение, равно как и несколько предложений, не является информативно законченным. Смысловой завершенностью обладает фраза, а порой и целая группа фраз, то есть отрывок текста, чаще всего именуемый сверхфразовым единством. Сверхфразовому единству присуща тематическая общность – единство темы [4, с. 340]. Однако это не мешает входить в его состав отдельным предложениям с какими-то своими частными темами и частными ремами, в общем самостоятельными, но все-таки принадлежащими той общей теме, которая и собирает сверхфразовое единство – гипертеме. (Забегая вперед, стоит отметить, что в текстовый блок, организуемый одной гипертемой, могут входить и такие отдельные прогрессии, которые либо принадлежат другой гипертеме, либо не принадлежат гипертемам вовсе, являясь второстепенной по значимости информацией.)

Иначе говоря, в сверхфразовом единстве как раз и действует тема-рема-тематическая прогрессия с производными темами. Входящие же в него предложения могут объединяться всеми остальными типами прогрессий.

Здесь следует ненадолго остановиться на феномене гипертемы – установить, какова его природа и каковы принципы формирования гипертем в тексте.

Однозначно можно утверждать, что гипертема – явление независимое от грамматической структуры или от синтаксиса (во всяком случае, такая зависимость не обязательна): оно принадлежит коммуникативной структуре, напрямую связанной с функцией передачи определенной семантики.

Семантика текста (и, соответственно, его коммуникативная структура) иерархична. Высшим (подчиняющим себе прочие) элементом семантической иерархии текста является его главная тема – это может быть какой-то предмет, явление, идея, логическая категория и т.п. От этой главной темы (макротемы) текста исходят гипертемы (или же наоборот – гипертемами формируется макротема). То есть, гипертема – это одна из тем, формирующих фрагмент текста прогрессий, наиболее значимая по отношению к макротеме. (Если макротема изначально не известна, то гипертемой попросту становится та из тем, которая является наиболее доминирующей в контексте: причем доминация имеется в виду качественная, а не количественная.) Если в контексте сменяется доминирующая тема, можно фиксировать смену гипертемы.

Важно еще и то обстоятельство, что гипертема совершенно не обязательно должна быть выражена эксплицитно: ею вполне может являться обобщающее умозаключение, логически следующее из фрагмента – например, из сверхфразового единства.

Но если признать факт наличия у единицы, именуемой сверхфразовым единством, темы (гипертемы), стоит рассмотреть и возможность присутствия в ней рема-тематического компонента. Например:

«Глубоко ошибочно то противопоставление, которое вообще делается нередко между **общенациональным и общечеловеческим**. (Т) Общечеловеческое может иметь двоякий характер – абстрактно-человеческого, безличного и вненационального, или конкретно-человеческого, индивидуального и национального. В первом смысле общечеловеческим будет всякое техническое изобретение, пущенное во всеобщий оборот; научная истина, однажды установленная и сделавшаяся общим достоянием... Во втором смысле общечеловеческое мы получаем при наиболее полном выявлении своей индивидуальности, личной или национальной: когда Ницше выбрасывает из себя запекшиеся куски крови и желчи, раскрывает свою истерзанную душу, когда Гете творит такое до последней степени национальное по языку и духу произведение, как “Фауст”, мы не сомневаемся, что это – общечеловеческое достояние, которое в то же время могло родиться только из недр индивидуального и национального духа... Гораздо сложнее и спорнее обстоит дело с той деятельностью человеческого духа, которая принадлежит обим областям, т.е. как абстрактно-человеческого, так и конкретно-человеческого. Мы разумеем **философию** (Р). Бесспорно, есть отделы **философии** (Т2 из Р), которые совершенно отходят в область науки... В этом смысле следует, конечно, прямо признать, что молодой русской философии приходится учиться... В ответ на этот вопрос неизбежно скажется то основное различие философских мировоззрений... Но философия имеет и иные, творческие задачи» [1, с. 204-206].

В приведенном примере соседствуют два сверхфразовых единства, между которыми в тексте нет даже абзацного разграничения. Тем не менее, гипертемой первого из них является «общенациональное и общечеловеческое», а гипертемой второго – «философия».

При первом упоминании в тексте слово «философия» является ремой (гипер-ремой), полностью соответствуя определению этого понятия (новое).

Далее повествование всецело переключается на «философию», т.е. рема обретает тематизацию.

В каждом из этих сверхфразовых единств можно найти какое-то количество тем и рем, например: «научная истина (Т), однажды установленная и сделавшаяся общим достоянием (Р)», «отделы философии (Т), которые совершенно отходят в область науки (Р)». Однако они находятся в подчиненном состоянии – а гипертемы «общенациональное и общечеловеческое» и «философия» подчиняют их.

Таким образом, можно заключить, что коммуникативное устройство отдельного предложения (или небольшой последовательности предложений – например, в случае, когда используется конструкция с парцелляцией) и сверхфразового единства имеет общий принцип: движение от известного к новому. По сути, это абсолютно логично, ведь, обыкновенно, целью коммуникации и является передача какой-то новой информации. Но интересно то, что этот основной коммуникационный принцип находит свое формальное выражение в текстовой структуре.

Следует отметить и возможность несколько иного подхода к феномену гипер-рем: гипер-ремами могут считаться те ремы (или суммы тех рем, которые могут быть органично объединены) принадлежащего определенной гипертеме текстового фрагмента, содержание которых наиболее значимо для отношений между данной гипер-емой и макротемой текста. Говоря проще, это ремы, входящие в состав гипертемы в силу своей

значимости для макротемы (ранее уже оговаривалось, что гипертема может формироваться методом логического обобщения подчиняющегося ей текстового фрагмента).

Впрочем, последнее замечание относится уже к числу операционных тонкостей, и настоящая статья не будет далее углубляться в эту область. Ведь в своей основе явление гипер-ремы в обоих подходах остается одним и тем же – просто во втором случае к гипер-ремам относятся все ремы с повышенной значимостью касательно гипертемы, а в первом – лишь те, которые обретают дальнейшую тематизацию.

Итак, если признается структурное соответствие между такими единицами, как предложение со своими темой и ремой и сверхфразовое единство со своими гипертемой и гипер-ремой, получается, что и между сверхфразовыми единствами должны действовать те же отношения, что и между предложениями – отношения, представленные моделями Ф. Данеша.

Безусловно, в силу своей композиционной сложности по сравнению с предложениями сверхфразовые единства могут вступать в гораздо более сложные отношения друг с другом. Производные темы одного из них могут быть сильно дистанцированы от своей гипертемы текстовым массивом, принадлежащим другим из них, и тогда, появляясь в повествовании, они как бы возвращают читателя обратно – к своей гипертеме. Например:

«Вы узнали уже, что я говорю о **теории прогресса** (Т1), составляющей необходимую часть современного механического миропонимания, по крайней мере, в его популярной форме... Таким образом, теория прогресса для современного человечества есть нечто гораздо большее, нежели всякая рядовая научная теория... Значение теории прогресса состоит в том, что она призвана заменить для современного человека утерянную метафизику и религию... Всякая религия имеет свое *Jenseits*, – верование в то, что некогда исполнятся ее чаяния... Такое *Jenseits* имеет и теория прогресса в представлениях о будущих судьбах человечества, свободного, гордого и счастливого. Такое прозрение в будущее приписывается науке об общественном развитии, **социологии** (Р), **которая** (Т2)... становится как бы богословием новой религии... Наибольшую веру в свои силы проявило одно социологическое учение, вызвавшее к себе наибольший энтузиазм и по сие время составляющее вероисповедание многих миллионов людей, – учение Маркса и Энгельса... Вера в достоверность социальных предсказаний так сильно подорвана в последнее время... Способна ли социальная наука к пророчеству или, что то же, к предсказанию?... социология в этом смысле совсем не имеет дела с событиями, относительно которых можно делать предсказания... Но признаем в полной мере справедливость научной **теории прогресса** (Т1)... Самые смелые теории прогресса не идут в своих предсказаниях дальше обозримо-го исторического будущего... Научная теория прогресса подобна...» [2, с. 270-281].

В приведенном примере отчетливо видно, как сверхфразовое единство с гипертемой *социология* вклинивается внутрь единства *теория прогресса*.

Изучая тема-рематическую структуру сверхфразовых единств текста, можно обнаружить множество подобного рода переплетений, среди которых бывают и гораздо более запутанные и неоднозначные случаи.

Как группы предложений, обладающих собственными темами и ремами (предлагается в дальнейшем именовать их микротемами и микроремами), подчиняясь какой-то общей, единящей их гипертеме, образуют сверхфразовое единство (прогрессия с производными темами – в классификации Ф. Данеша), так, соответственно, и сверхфразовые единства, также имеющие в своем составе тему и рему, могут объединяться какой-то гипертемой высшего порядка (далее предлагается называть ее текстовой темой или же тематической линией произведения).

Текстовая тема – это главная тема всего произведения, его центральная идея, которая может быть выражена как косвенно, так и прямо [15, р. 913]. Как правило, прямо выражена она бывает в текстах, более тяготеющих к научности, и обнаруживается уже в заглавии произведения (например, «Античная музыкальная эстетика» А. Ф. Лосева). Косвенно выраженная текстовая тема более свойственна текстам повышенной художественности, имеющим в качестве названий поэтические образы (например, «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» Ф. Ницше или «Страх и трепет» С. Кьеркегора) или имена собственные (например, диалоги Платона – «Тимей», «Федон» и др.).

Текстовая тема второго типа может быть в полной мере установлена лишь в итоге прочтения всего произведения, и для ее определения крайне важны темы второстепенные – она определяется, если так можно выразиться, индуктивно.

К текстам с такой главной темой наиболее подходит последний элемент определения темы, данного О. И. Москальской: «Тема – это смысловое ядро текста, *конденсированное и обобщённое содержание текста*» [9, с. 11].

Тематическая линия повествования – это такая гипертема, которая занимает в произведении видное место, обычно как в смысловом, так и в формальном отношении. Отдельной тематической линией может быть и главная тема текста – его макротема.

Важным является вопрос о том, на каких основаниях возможно определять принадлежность сверхфразовых единств к той или иной гипертеме (тематической линии). Ведь, как уже было установлено выше, сверхфразовые единства могут переплетаться, вклиниваться и разрезать друг друга. Т.е. получается, что текстовые блоки, принадлежащие одной тематической линии, могут быть расположены удаленно один от другого – в принципе ничто не мешает им даже входить в состав разных глав.

В текстах с высоким уровнем рубрикации на помощь исследователю или читателю приходят различные заглавия и подзаголовки. Однако бывают случаи, когда смена гипертемы не отмечается даже абзацным выделением (как в одном из приведенных выше примеров).

Но очевидно, что всегда существуют какие-то механизмы, обеспечивающие одновременно как связность текста, так и обращение читательского внимания на перемену темы.

Определить их (хотя бы самые основные из этих механизмов) и является дальнейшей задачей настоящей работы.

Первым, не особенно часто встречающимся механизмом, является использование автором вопросительных конструкций.

Например, в произведении «Основные проблемы теории прогресса» С. Н. Булгаков осуществляет переход от темы *метафизика истории* к теме *нравственный закон* именно таким способом: «Однако при таком понимании метафизики возникает новый вопрос. Если мы не можем цели абсолюта делать прямо своими целями, то чем же мы должны руководствоваться в своей непосредственной деятельности? Но абсолютное постоянно руководит нами в жизни, постоянно дает нам указания, карает за непослушание себе и ошибки. Мы ежедневно и ежечасно слышим его властный голос, критический, суровый и неумолимый. Это совесть, нравственный закон, категорический императив» [2, с. 312].

С помощью вопроса же сменяет тему с *религиозного прошлого на проблемы современной Европы* в произведении «Чтения о богочеловечестве» В. С. Соловьев: «Религиозное прошлое, о котором я говорю, представляется римским католичеством. Хотя несостоятельность этой формы признана уже... Оно может быть упразднено, и действительно и окончательно упразднится, только таким началом, которое даст больше, чем оно, а не пустым и немощным отрицанием... Но кто же решится сказать, что современная Европа богаче духовными силами хотя бы католической и рыцарской Европы Средних веков? В настоящее время ведется у наших западных соседей т.н. “культурная борьба против католичества”... защитники католичества справедливо могут упрекать современную культуру в том, что она, отказавшись от христианства... в пользу стремления к материальному благосостоянию... имела для себя худший образец в том другом апостоле, который предал Христа за 30 сребреников» [12, с. 22].

Или, в своей работе об А. С. Пушкине, И. А. Ильин с помощью двух вопросительных конструкций завершает повествование на тему *ошибочного понимания пути к всечеловеческой братскости* и переключает его на тему *правильного пути достижения всечеловечности*: «Познать их нелегко. Повторять их не надо, невозможно, нелепо. Заимствовать у них можно только в крайности и с великой осторожностью... И что за плачевная участь была бы у того народа, главное призвание которого состояло бы не в самостоятельном созерцании... а в вечном перевоплощении в чужую национальность... Какая судьба постигнет русский народ, если ему Европа и “арийское племя” в самом деле будут столь же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли!? Тот, кто хочет быть “братом” других народов, должен сам сначала *стать и быть* – творчески, самобытно, самостоятельно: созерцать Бога и дела Его, растить свой дух, крепить и воспитывать инстинкт своего национального самосознания, по-своему трудиться, строить, властвовать, петь и молиться» [6, с. 44].

В вопросительной конструкции здесь заключается квинтэссенция авторских сомнений и переживаний, нашедшая свое выражение в такой привлекающей читательское внимание форме. То есть вопрос четко закрывает предшествующую тему, открывая простор для выражения автором собственного взгляда на решение проблемы.

Вторым механизмом является абзацное выделение, которое, впрочем, далеко не всегда может служить в качестве маркера перемены темы, ведь известно, что типографический абзац совершенно не обязательно должен совпадать с границами тематических единств. Тема может оставаться относительно константной на протяжении нескольких абзацев, а может и меняться внутри одного.

В то же время, когда тема меняется, абзац отлично маркирует эту перемену. При этом предшествующий абзац, как правило, оканчивается ремой, обретающей свою тематизацию в следующем. Например:

«Социализм своим требованием общественной правды и невозможностью осуществить ее на конечных природных основаниях логически приводит к признанию необходимости безусловного начала в жизни, т.е. к признанию религии. В области знания к такому же заключению приводит *позитивизм*.

Против традиционной теологии были провозглашены т.н. “просвещением” XVIII в. права человеческого разума... Таков общий принцип позитивизма» [12, с. 16].

«Католичество требует себе подчинения со стороны частного и единичного, подчинения человеческой личности... фактическое же господство является как только насилие и подавление, вызывающее необходимый и справедливый протест личности, в чем и заключается существенное значение и оправдание *протестантизма*.

Начиная с протестантизма, западная цивилизация... Великий смысл... религиозной реформации» [Там же, с. 25].

Тем не менее, оба рассмотренных механизма не универсальны – они знают массу исключений. Впрочем, привлекая внимание читателя графически и стилистически, они замечательно подчеркивают перемену темы там, где она действительно наличествует.

Однако, пожалуй, наиболее распространенным и явным является механизм обнаружения смены темы, основанный на так называемых *ключевых словах* (как правило, автор их специально не выделяет, но читатель все равно «спотыкается» о них).

Словарь-справочник терминов и понятий определяет ключевое слово как «субъективный лингвистический фактор текстообразования. Ключевые слова являются опорными “вехами” в порождении и восприятии текста. Их выбор определяется: 1) авторской интенцией; 2) творческим замыслом автора; 3) коммуникативной стратегией текстового развертывания» [5, с. 25].

Издательский словарь-справочник предлагает дефиницию «слово (словосочетание) из текста издания (другого документа), которое несет в данном тексте существенную смысловую нагрузку и может служить ключом при поиске соответствующей информации» [8, с. 195].

В соответствии с приведенными определениями *ключевое слово* понимается и в настоящей работе.

Наиболее очевидны такие ключевые слова в текстах с конкретно-заданной главной темой. В качестве ключевых слов тогда выступают такие концепты, которые обладают повышенной значимостью в связи с главной темой, обозначенной в заглавии.

Например, структурный анализ произведения С. Н. Булгакова «Из философии культуры. Размышления о национальности» [1, с. 173-209] (с конкретно-заданной главной темой *национальность*) показал, что в тексте присутствуют девять основных второстепенных тематических линий (названия которых даны по их ключевым словам), среди которых есть следующие: *государство, национальная идея, религия, соборность, космополитизм*. Очевидно, значимость этих концептов в связи с понятием национальности чрезвычайно велика. Так что, встречаясь в тексте, они моментально обращают на себя повышенное внимание.

Из восьми тем работы Н. О. Лосского «Органическое строение общества и демократия» шесть – *демократия, монархия, государство, цель мирового процесса, монархическое устройство вселенной*, а также *задачи современного общества* – тоже выражены в тексте с помощью концептов, безусловно коррелирующих с заявленной в самом названии произведения темой.

При первом своем упоминании эти концепты, являясь новой информацией, выступают в качестве рем, далее – становятся темами, образующими собственные тематические линии из принадлежащих им блоков (сверхфразовых единств). Обнаружить принадлежность того или иного блока к той или другой тематической линии можно по тому же самому принципу – ориентируясь по ключевым словам.

Стоит отметить, что, как правило, в рамках тема-рематического анализа текстовой структуры, эти концепты при первом их упоминании находятся в зависимости от главной темы, выступая в качестве ее рем. При поступлении дальнейшей информации, раскрывающей их, они превращаются в темы. Впрочем, это полностью соответствует стандартной модели тема-рематической прогрессии.

Важным видится еще один момент, связанный с ключевыми словами в тексте: экспериментальным путем было установлено, что в качестве ключевых могут быть выделены даже такие слова, которые не присутствуют в тексте непосредственно, но которыми читатель (или слушатель) может охарактеризовать какую-то текстовую ситуацию в целом. Большинство испытуемых выделяло их примерно одинаково [14, с. 197-204]. Безусловно, такие ключевые слова трудно назвать маркерами смены темы, но данный факт, тем не менее, указывает на еще один механизм выделения тем: непосредственно логический или интеллектуальный – более субъективный, нежели перечисленные выше, но также играющий видную роль в герменевтике.

Данные приведенного выше эксперимента, а также суть механизма, действующего при подобной интерпретации имплицитного, объясняют исследования голландского ученого Т. А. Ван-Дейка.

Т. А. Ван-Дейк, активно занимающийся теоретическим и прикладным изучением феномена *дискурса*, понимаемого им, в общем, в качестве акта коммуникации, неотрывно зависящего от разнообразных контекстов – ситуативных, субъективных, исторических и т.д., делает интересное замечание о том, что люди мыслят не словами или предложениями, а ментальными моделями. Под ментальной моделью понимается логическая, функциональная или же естественная связь между двумя (или более) фактами, находящими формальное выражение в соответствующих высказываниях (напр.: на улице холодно). Т. А. Ван Дейк указывает, что и когерентность между высказываниями или предложениями в тексте обеспечивается не грамматической связностью, но связностью фактов реального (или же возможного) мира, стоящих за словами или высказываниями [19].

Переноса то, о чем говорит голландский ученый, на материал смысловых блоков и тематических линий повествования, можно понять, каким образом исследователь тема-рематической структуры текста определяет, какие блоки относятся друг к другу как ремы к темам и т.д.: слова и выражения могут меняться, но вещи или явления, которые передает текстовый массив, остаются теми же.

Итак, следует кратко подвести некоторые итоги исследования. Коммуникативная (или же смысловая) структура текста иерархична; ее составляют микро- и макроструктуры. Высшим элементом этой иерархии является макротема – главная тема произведения. Ею задаются иерархически более низкие элементы – гипертемы. Гипертемы суть главные темы конгломератов текста, соотносимых с понятием сверхфразового единства (но не всегда полностью соответствующие им). Гипертемы, раскрываемые в тексте принадлежащими им гипер-ремами (то есть наиболее значимыми ремами фрагмента), образуют макроструктуры. Выявление гипертем и их гипер-рем не произвольно, оно производится в соответствие с определенными принципами, попытка систематизации которых была предложена в настоящей работе.

Таким образом, настоящее исследование проливает свет на некоторые особенности коммуникативной структуры текста и на ряд механизмов языка; в том числе подтверждает обоснованность перенесения тема-рематического принципа сегментации информации с предложения на более крупные конгломераты и постулирует иерархические отношения как основной принцип формирования смыслов в тексте.

Разумеется, настоящая работа является лишь шагом по направлению к достижению основной цели исследований в данной области – исчерпывающему выявлению механики структурирования смыслов в крупных языковых конгломератах и законченных дискурсах. Однако результаты, полученные в ходе данного труда, могут послужить хорошей базой для дальнейших исследований в обозначенном русле.

Список литературы

1. Булгаков С. Н. Из философии культуры. Размышления о национальности // Героизм и подвижничество. М.: Русская книга, 1992. С. 173-209.
2. Булгаков С. Н. Основные проблемы теории прогресса // Героизм и подвижничество. М.: Русская книга, 1992. С. 258-337.
3. Герцен А. И. Кто виноват? М.: Правда, 1985. 480 с.
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
5. Жеребило Т. В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: словарь-справочник. Назрань: Пилигрим, 2011. 108 с.
6. Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина // Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. 2. С. 37-69.
7. Лопухин А. П. Библиейская история Ветхого Завета. Киев: Издательство им. свт. Льва, папы Римского, 2008. 664 с.
8. Мильчин А. Э. Издательский словарь-справочник. М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 560 с.
9. Москальская О. И. Текст как лингвистическое понятие (обзорная статья) // Иностранные языки в школе. 1978. № 3. С. 9-17.
10. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Л.: Наука, 1978. Т. 5. С. 8-187.
11. Пушкин А. С. Руслан и Людмила // Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Л.: Наука, 1978. Т. 4. С. 7-81.
12. Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2010. 350 с.
13. Филиппов К. А. Лингвистика текста. СПб.: Издательство СПбГУ, 2003. 336 с.
14. Ягунова Е. В. Роль ключевых слов при восприятии звучащего и письменного текста (на материале русского языка) // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения. СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. С. 197-204.
15. Cuddon J. A. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. 4th ed. London: Penguin books, 1999. 991 p.
16. Danes F. Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text // Papers on Functional Sentence Perspective. Prague: Academia, 1974. P. 106-128.
17. Fries P. H. A Personal View on Theme // Thematic Development in English Text. London: A&C Black, 1995. P. 1-19.
18. Morgan J. L. Some Remarks on the Nature of Sentences // Papers from the Parasession on Functionalism. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1975. P. 433-449.
19. Van-Dijk T. A. From Text Grammar to Critical Discourse Analysis [Электронный ресурс]: a brief academic autobiography. August 2004. URL: <http://www.discourses.org/From%20text%20grammar%20to%20critical%20discourse%20analysis.html> (дата обращения: 19.09.2015).

THE THEME-RHEME HIERARCHY OF TEXT

Samodelkin Anton Andreevich

St. Tikhon's Orthodox University

Andreevich_anton@inbox.ru

In the article the author demonstrates the validity of the assertion that the transference of the theme-rheme principle of information segmentation, the functioning of which at the level of sentence is the generally recognized linguistic fact, to the broader levels of text (such text blocks as supra-phrasal unity, or, for example, chapters) is well-grounded. It is proved that the segmentation mechanism is essentially the same.

Key words and phrases: theme; rheme; theme-rheme progression; hyper-theme; supra-phrasal unity; text; key words.

УДК 811.111.1'38

В данной статье кратко описывается история поэтического языка, и на её основе исследуется разговорная лексика в современных поэтических описаниях, которые исключают использование монологической/диалогической речи. Стихотворения классифицированы на «нейтральные» и «разговорные» по наличию в них разговорных лексических единиц, а затем «разговорные» – на «насыщенные» и «ненасыщенные» по количеству и качеству разговорных слов. В результате лексико-стилистического анализа поэтического языка этих стихотворений выявлено, что основная часть их содержит либо нейтральную лексику, либо книжную, в т.ч. поэтизмы. Меньшая часть имеет разговорные слова. Они создают высокую эмоциональную тональность текста и экспрессию, тем самым оправдывая своё присутствие в поэтическом описании. Намечается сильная тенденция к увеличению количества стихотворений с разговорной лексикой, повышающей поэтический уровень произведения.

Ключевые слова и фразы: насыщенные и ненасыщенные стихотворения; поэтический язык; экспрессивные средства; разговорная лексика; поэтический текст.

Сахарова Наталья Геннадиевна, к. филол. н.

Московский государственный областной университет

gendos.suger@mail.ru

РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Разговорные элементы нетипичны для поэтического языка в поэтических описаниях.

История поэтического языка начинается с теоретического трактата Аристотеля *Поэтика*. Поэтика не могла существовать без поэзии как особого рода словесного творчества и без особого (поэтического) языка.